

Шестая жена короля Генриха VIII

Леди Екатерина Парр была совсем юной, когда ее выдали замуж за шестидесятитрехлетнего лорда. Ей выпало дважды овдоветь. И вот в третий раз Екатерину повел под венец сам английский король Генрих VIII. Казалось бы, этот союз сулит молодой женщине великолепное будущее. Но сказка оборачивается кошмаром: Генрих VIII — сластолюбивый и кровожадный тиран, одержимый идеей своего божественного предназначения вершить людские судьбы. Монарх по прозвищу Синяя Борода уже казнил двух надоевших ему жен, и Екатерина, у которой немало врагов и завистников, легко может стать третьей жертвой. Живя среди придворных шутов и предателей, она ходит по лезвию бритвы, по краю пропасти. Правда, находятся и те, кто, рискуя собственной жизнью, готов защитить добрую, целомудренную королеву...

Луиза
Мюльбах

ШЕСТАЯ ЖЕНА
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА VIII

ЖЕНСКИЕ СУДЬБЫ

ЛУИЗА МЮЛЬБАХ

ШЕСТАЯ ЖЕНА
КОРОЛЯ
ГЕНРИХА VIII

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2020 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8280-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с немецкого

Дизайнер обложки *Петр Вихорь*

Леді Катерина Парр була зовсім юною, коли її видали заміж за шістдесятитрирічного лорда. Їй випало двічі овдовіти. І ось утретє Катерину повів під вінець сам англійський король Генріх VIII. Здавалося б, цей союз обіцяє молодій жінці пречудове майбутнє. Але казка обертається на кошмар: Генріх VIII — сластолюбний і кровожерний тиран. Монарх на прізвисько Синя Борода вже стратив двох набридливих йому дружин, і Катерина легко може стати третьою жертвою. Живучи серед придворних інтриганів, вона ходить по лезу сокири. Щоправда, знаходяться й ті, хто, ризикуючи власним життям, готовий захистити добру, цнотливу королеву...

Мюльбах Л.

М98 Шестая жена короля Генриха VIII : роман / Луиза Мюльбах ; сост. серии

О. А. Дыдыкина. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 384 с.
— (Серия «Женские судьбы», ISBN 978-617-12-7950-6)

ISBN 978-617-12-8088-5

Леди Екатерина Парр была совсем юной, когда ее выдали замуж за шестидесятилетнего лорда. Ей выпало дважды овдоветь. И вот в третий раз Екатерину повел под венец сам английский король Генрих VIII. Казалось бы, этот союз сулит молодой женщине великолепное будущее. Но сказка оборачивается кошмаром: Генрих VIII — сластолюбивый и кровожадный тиран. Монарх по прозвищу Синяя Борода уже казнил двух надоевших ему жен, и Екатерина легко может стать третьей жертвой. Живя среди придворных интриганов, она ходит по лезвию топора. Правда, находятся и те, кто, рискуя собственной жизнью, готов защитить добрую, целомудренную королеву...

УДК 821.112.2

© DepositPhotos.com / nickp37, обложка, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Выбор духовника

Это было в 1543 году. Английский король Генрих VIII снова стал самым счастливым, самым достойным зависти человеком во всем королевстве, так как сегодня он снова женился, а Екатерина Парр, молодая вдова барона Латимера, имела опасное счастье быть избранной шестой женой короля.

Разумеется, для вдовы незначительного барона было большой честью и громадной гордостью счастье стать законной супругой английского короля и возложить на свою голову королевскую корону. Тем не менее сердце Екатерины Парр сжимала какая-то смутная тревога, ее щеки были бледны и холодны, а сурово стиснутые губы едва-едва смогли разжаться перед алтарем, чтобы вымолвить налагающие брачные цепи «да».

Наконец священная церемония окончилась, и обе высшие духовные особы — Гардинер, епископ Винчестерский, и Кранмер, епископ Кентерберийский, повели, как того требовал придворный этикет, новобрачных в их покои, чтобы еще раз благословить их и помолиться вместе с ними до того, как начнется официальное празднование.

Как ни была бледна и взволнованна Екатерина, она все-таки проделала все необходимые церемонии с истинно королевской осанкой и достоинством, и, когда она твердым шагом и с гордо поднятой головой шествовала между обоими епископами через роскошно убранные комнаты, никто не мог бы заподозрить, какие мрачные предчувствия трепетали в ее душе.

Вместе со своими спутниками и в сопровождении своей новой свиты она прошла через роскошные приемные комнаты и вступила во внутренние покои. Здесь, следуя этикету того времени, Екатерина должна была отпустить придворную свиту, так как в личные комнаты королевы могли проследовать только оба епископа и фрейлины. Но и оба епископа не смели пройти далее приемной королевы. Король подписал весь церемониал сегодняшнего дня, и тот, кто хотя бы на йоту осмелился отступить от его предписаний, был бы объявлен государственным преступником и поплатился бы за это, может быть, даже и жизнью.

Поэтому Екатерина с усталой улыбкой обратилась к обоим епископам и попросила их обождать здесь, пока она не позовет их. Затем она кивнула своим фрейлинам и проследовала в их сопровождении в свои покои.

Епископы остались наедине в приемной, и казалось, что это было одинаково неприятно им обоим, так как лбы их покрылись густой сетью недовольных морщин; словно по взаимному уговору, они разошлись в противоположные углы комнаты.

Наступила продолжительная пауза. Не слышно было ни единого звука, кроме тиканья больших дорогих часов, стоявших на камине, да еще с улицы время от времени доносились отдаленные возгласы восторженных толп, шумящими потоками стекавших со всех сторон к дворцу.

Гардинер подошел к окну и с какой-то странной, мрачной улыбкой посматривал на облака, которые с бешеной скоростью мчались по небу, гонимые бурным ветром.

Кранмер стоял у стены и в печальном раздумье смотрел на портрет Генриха VIII, писанный мастерской рукой Гольбейна. И когда он смотрел на эту фигуру, выражавшую бездну истинно королевского величия и жестокости, когда вглядывался в эти глаза, смотревшие с мрачной строгостью, в эти губы, которые улыбались в одно и то же время и приветливо, и грозно, его охватило глубокое сочувствие к молодой женщине, которую он сегодня благословил на... блестящее несчастье. Он вспомнил, как ему пришлось уже вести к брачному алтарю и благословлять супружество двух прежних жен короля, а потом сопутствовать им обеим, когда они всходили на ступени эшафота.

Как легко могла подпасть достойная всякого сочувствия молодая супруга короля такой же мрачной участи; как легко могла Екатерина Парр, подобно Анне Болейн и Екатерине Говард, заплатить за краткие часы блеска позорной смертью! Достаточно одного неосторожного слова, взгляда, улыбки — и она погибнет, так как подозрительность короля была безгранична и его жестокость не находила достойного наказания для того, кем он считал себя оскорбленным.

Вот какие мысли занимали епископа Кранмера. Они смягчили его и расправили на лбу суровые складки.

Теперь он уже сам улыбнулся тому неудовольствию, которое испытал незадолго перед этим, и сам упрекал себя в легкомысленном отношении к святости своего призвания, так как не выказал никакой готовности пойти навстречу своему врагу с попыткой примирения.

Кранмер знал очень хорошо, что Гардинер был его врагом; последний достаточно часто доказывал ему это своими поступками, хотя на словах и старался выказать расположение.

Но если Гардинер даже и ненавидел его, то из этого не следовало, что он, Кранмер, должен отвечать ему такой же ненавистью, что, презрев заветы своего высокого призвания, он имеет право назвать своим врагом того, кого должен был бы любить и почитать, как собрата.

Поэтому благородный Кранмер устыдился своего минутного недовольства. Ласковая улыбка осветила его спокойное лицо. С полной достоинства кротостью и нежной ласковостью он прошел через комнату, направляясь к епископу Винчестерскому Гардинеру.

Тот посмотрел на него мрачным взглядом и, не отходя от оконной ниши, в которой стоял, стал поджидать, пока Кранмер подойдет к нему. Когда он посмотрел в это благородное, улыбающееся лицо, им овладело такое чувство, которое заставляло руки сжиматься в кулаки, от которого так и подмывало ударить этого человека, державшего соперничать с ним в славе и почестях. Но в решительный момент Гардинеру пришло в голову, что в данную минуту Кранмер все-таки является фаворитом короля, так что с ним приходится быть осторожным. Поэтому он затаил в сердце свои дикие желания и заставил свое лицо принять обычное, серьезное и непроницаемое выражение.

Теперь Кранмер вплотную подошел к Гардинеру, и его светлый, сияющий взор остановился на мрачной фигуре.

— Ваше преосвященство, я подхожу к вам с тем, — заговорил Кранмер кротким, благозвучным голосом, — чтобы сказать вам, насколько я от всего сердца желаю, чтобы королева избрала вас своим духовником и пастырем души, и уверить вас, что в этом случае в моей душе не будет ни малейшего недовольства. Я отлично пойму, если Ее Величество изберет в свои духовники такого выдающегося и уважаемого священнослужителя, как вы, и все уважение и почтение,

которое я питаю к вам, не сможет не увеличиться еще благодаря этому. Так позвольте же мне скрепить сказанное рукопожатием.

Он протянул Гардинеру руку, но последний, очень небрежно ответив на рукопожатие, сказал:

— Вы очень великодушны, ваше преосвященство, и в то же время вы — очень тонкий дипломат, так как хотите просто очень искусным и остроумным способом показать, что́ мне следует делать, если королева изберет пастырем души именно вас. А что она сделает это, вы знаете так же хорошо, как и я. Поэтому для меня просто унизительно стоять здесь из пустого требования этикета и ждать, выберут меня или с презрением оттолкнут в сторону.

— Но почему вы смотрите на все это дело с такой мрачной стороны? — кротко спросил Кранмер. — Почему вы хотите непременно усмотреть выражение презрения в том, что не вас выберут на такую должность, которую замещают не по заслугам или отличиям, а просто по индивидуальной симпатии молодой женщины?

— А, так вы признаетесь, что меня не выберут! — воскликнул Гардинер со злой усмешкой.

— Я уже сказал вам, что не имею ни малейшего понятия о желании и намерениях королевы, и мне кажется, что привычка епископа Кентерберийского всегда говорить правду известна всем.

— Разумеется, это все знают. Но ведь все также знают, что Екатерина Парр была самой пламенной поклонницей епископа Кентерберийского и что теперь, когда она добилась своих целей и стала королевой, она сочтет своим долгом выказать ему свою благодарность.

— Вы намекаете на то, что я сделал ее королевой? — спросил Кранмер. — Но уверяю вас, ваше преосвященство, что в данном случае, как и во многих касающихся меня вещах, вы плохо осведомлены.

— Возможно, — холодно возразил Гардинер. — Во всяком случае можно не сомневаться, что молодая королева является пламенной защитницей этой подлой новой религии, которая подобно чуме распространилась из Германии по всей Европе, принеся с собою порчу и растление для всего христианского мира. Да, Екатерина Парр, теперешняя королева, склоняется к учению того самого еретика,

которого святой отец поразил громом своего отлучения; она всей душой предана Реформации!

— Вы забываете, — с тонкой усмешкой сказал Кранмер, — что гром этого отлучения поразил и голову нашего короля и что он так же мало повредил Генриху VIII, как и Лютеру. Кроме того, осмелюсь напомнить вам, что мы не называем больше римского папу «святым отцом» и что вы сами признали короля главой церкви.

Гардинер отвернулся, чтобы не дать заметить недовольство и гнев, искажившие его лицо. Он чувствовал, что зашел слишком далеко и открыл слишком много из области своих сокровенных мыслей. Но его пылкая, страстная натура не всегда могла сдерживаться, и хотя обыкновенно он и бывал тонким дипломатом и гибким придворным, по временам наступали моменты, когда священник-фанатик одерживал в нем верх над придворным и дипломат был побеждаем служителем церкви.

Кранмер сочувствовал замешательству Гардинера и, следуя естественной доброте своего сердца, сказал:

— Давайте не будем здесь спорить о догматах и решать вопрос, кто более заблуждается — папа или Лютер. Мы находимся в приемной молодой королевы, так давайте же займемся немного судьбой этой женщины, которую Господь избрал для блестящей участи.

— Блестящей? — переспросил Гардинер, пожимая плечами. — Знаете, давайте-ка сначала подождем конца ее жизненного пути, а потом уже станем судить, был ли он блестящим. Уже много королев входило сюда с уверенностью, что будут почивать на розах и миртах, но наступал момент, когда им приходилось убеждаться, что их ложе было пылающим костром, сжегшим их тело.

— Это правда, — пробормотал Кранмер с легкой дрожью ужаса. — Быть супругой нашего короля — опасное счастье! Но именно потому нам и не следует увеличивать опасность ее положения, которое станет несравненно ужаснее, если мы присоединим ко всему еще и нашу ненависть и вражду. Вот поэтому-то я и обращаюсь к вам с просьбой, за исполнение которой с своей стороны ручаюсь словом: на кого бы ни выпал выбор королевы, не будем сердиться на это и таить планы мести! Господи Боже мой! Да ведь женщины — это такие бедные, странные существа, они так нерасчетливы в своих желаниях и симпатиях!

— Знаете, мне кажется, что вы чересчур хорошо знакомы с женщинами! — воскликнул Гардинер с явным ехидством. — В самом деле, не будь вы епископом Кентерберийским и не запрети король под страхом тяжкого наказания духовенству вступать в брак, я мог бы подумать, что у вас самих имеется любимая женщина, которая и посвятила вас в основательное знание женского характера!

Кранмер отвернулся и с каким-то непонятным смущением старался избежать пытливых взглядов Гардинера.

— Мы говорили не обо мне, — сказал он наконец, — а о молодой королеве, и мне хотелось снискать для нее ваше расположение. Я видел ее сегодня почти в первый раз и никогда не говорил с нею, но весь ее вид сильно тронул меня, и мне показалось, будто ее взоры умоляли нас обоих стать ей поддержкой на том трудном пути, по которому до нее шло уже пять женщин, нашедших на этом пути только несчастье и слезы, только позор и кровавую судьбу.

— Так пусть же Екатерина старается не отступить от истинного пути, как это сделали все ее предшественницы! — воскликнул Гардинер. — Пусть она будет достаточно умна и вдумчива, и да просветит ее Господь и наставит в истинном знании и вере, дабы она не дала себя увлечь по ложной дороге безбожников и еретиков и оставалась всей душой среди истинно верующих!

— Кто же может сказать, что только он один верует истинно? — печально пробормотал Кранмер. — Ведь существует так много путей, ведущих к Небу, и никто не знает, который из них является истинным.

— Тот, которым бредем мы! — провозгласил Гардинер с высокомерной гордостью служителя церкви. — Горе королеве, если она осмелится пойти другим путем. Горе ей, если она обратит свой слух и внимание к новому учению, идущему к нам из Германии и Швейцарии, если она погрузится сердцем в светскую мудрость! Я буду самым верным и ревностным слугой ее, если она будет со мной, но стану ее злейшим врагом, если она пойдет против меня!

— А назовете ли вы «идти против вас», если королева не изберет вас своим духовником?

— Уж не хотите ли вы, чтобы я назвал это «идти со мной»?

— Ну так дай же Бог, чтобы она избрала вас! — воскликнул Кранмер с пламенной искренностью, сложив руки и обратив взор к небу. — Бедная королева! Первое доказательство любви твоего

супруга может стать для тебя первым несчастьем! О, к чему он дал тебе свободу самой избрать своего духовника? Почему он сам не сделал этого выбора?!

В этот момент дверь в королевские покои открылась, и на пороге появилась леди Джейн, дочь графа Дугласа и первая фрейлина королевы.

Затаив дыхание, оба епископа молчаливо смотрели на нее. Это был серьезный, торжественный момент, глубокое значение которого ясно сознавали все трое.

— Ее Величество королева, — дрожащим голосом сказала леди Джейн, — приглашает его высокопреосвященство епископа Кентерберийского явиться в ее кабинет, чтобы помолиться вместе с нею.

— Бедная королева! — пробормотал Кранмер, проходя комнаты и направляясь к королеве. — Бедная королева! Она только что приобрела непримиримого врага!

Леди Джейн подождала, пока Кранмер исчез за дверью, затем торопливо подбежала к епископу Винчестерскому и, склонив перед ним колени, сказала с выражением глубокого смирения:

— Пощадите, ваше высокопреосвященство, пощадите! Мои увещевания не привели ни к чему и не смогли поколебать ее решение!

Гардинер поднял коленопреклоненную женщину и сказал с принужденной улыбкой:

— Хорошо, леди Джейн, я не сомневаюсь в вашей ревностности. Вы — верная слуга церкви, и она за то будет любить вас и наградит, как мать. Значит, решено: королева...

— Еретичка, — шепотом договорила леди Джейн. — Горе ей!

— А будете ли вы и впредь преданно служить нам?

— Я буду верна каждой мыслью и каждой каплей крови!

— Тогда мы одолеем Екатерину Парр, как одолели Екатерину Говард. На эшафот еретичку!

— На эшафот еретичку! — повторил граф Дуглас, который только что вошел в комнату и услышал последние слова епископа. — Да, она погибнет, потому что мы будем ее бдительными и неустанными врагами. Но я нахожу, что с вашей стороны довольно неосторожно вести такие речи в приемной королевы. Давайте-ка выберем для этого более удобный час! Кроме того, вам, ваше преосвященство, пора

в тронный зал, где уже собрался весь двор и ждут только короля, чтобы в торжественной процессии отправиться за молодой королевой и показать ее на балконе народу. Так идемте же!

Гардинер молча кивнул и пошел в тронный зал. Граф Дуглас последовал за ним вместе с дочерью.

— Екатерина Парр погибла, — шепнул он на ухо леди Джейн. — Екатерина Парр погибла, и ты будешь седьмой женой короля!

В то время как в приемной велись эти речи, королева лежала, распростершись ниц перед своим духовником и вместе с ним воссылая к Богу пламенные мольбы о счастье и мире. Слезы дрожали в ее глазах, а ее сердце сжималось словно в предчувствии близящегося несчастья.

Глава 2. Екатерина Парр и ее подруга

Наконец-то стал приближаться к концу этот долгий день церемоний и торжеств, и Екатерина могла уже надеяться, что скоро прекратятся на сегодня эти бесконечные представления и улыбки.

Она показалась вместе с супругом на балконе, чтобы принять восторженные поздравления толпы и поблагодарить милостивым кивком головы. Затем в большом тронном зале перед ней продефилировал длинный ряд ее новоизбранной свиты, и с каждым лордом, с каждой леди она перекинулась парой ничего не значащих, ласковых слов. Затем, восседая рядом с супругом, она дала аудиенцию депутации от столичного населения и парламента, но с внутренним ужасом внимала пожеланиям счастья и поздравлениям, с которыми до нее приветствовали уже пять жен короля.

Однако, несмотря на все это, Екатерина сумела заставить себя улыбаться и казаться счастливой; она хорошо знала, что взоры короля ни на мгновение не упускали ее из вида и что все эти дамы и кавалеры, рассыпавшиеся перед ней в льстивых приветствиях и комплиментах, в глубине души были ее самыми жесточайшими врагами. Ведь своей свадьбой она разрушила массу надежд, отодвинула в сторону много других женщин, считавших за собою гораздо больше, чем у нее, прав занять высокий пост королевы. Екатерина знала, что все эти разочаровавшиеся в своих надеждах дамы и их родственники никогда не простят ей того, что еще вчера она была равной им, а сегодня уже вознеслась до трона. Она знала, что все они с зоркостью шпионов подстерегали каждое ее слово, движение, улыбку, чтобы иметь возможность выковать из этого обвинение или смертный приговор.

Наконец все эти представления, доказательства преданности и комплименты кончились, и празднество дошло до наилучшей своей части — все приглашенные отправились к столу.

Для Екатерины это было первой минутой отдыха, покоя. Она знала, что с того момента, как Генрих VIII садился за стол, он переставал быть величественным королем и ревнивым супругом, превращаясь в утонченного гастронома, страстного гурмана, и решение вопроса, удался ли паштет и достаточно ли тонок вкус у сазана, было для него гораздо важнее блага народа и процветания государства.

А после обеда наступил час нового отдыха, нового наслаждения, на этот раз — настоящего, которое даже на некоторое время заслонило в сердце Екатерины мрачные предчувствия и трепетные страхи и озарило ее лицо розовым светом веселости и грацией счастливого смеха.

Дело в том, что король Генрих приготовил для своей молодой супруги совершенно неожиданный и своеобразный сюрприз. Он приказал устроить в Уайтхолле театр, на котором придворные разыграли комедию Плавта. До того времени еще не бывало театральных представлений, кроме религиозных, разыгрываемых народом во время больших церковных праздников, — мистерий и моралите. Король Генрих VIII был первым, кто устроил театр для светских представлений и приказал ставить на нем пьесы, сюжет которых заключался не в драматических эпизодах священной истории. И как он освободил церковь своего государства от ее духовного главы, римского папы, так теперь он хотел освободить и сцену от церкви, чтобы иметь возможность видеть на ней что-либо другое, кроме поджаривания святых и избиения богобоязненных монахов.

Представление римской комедии было новым, пикантным развлечением и большой неожиданностью для молодой королевы. Для удовольствия королевы Генрих приказал разыграть «Circulio», и хотя Екатерина с брезгливой краской стыда слушала неприличные и бесстыдные шутки римского народного поэта, зато Генриха это еще более веселило и вдохновляло, так что самые неприличные сцены вызывали у него взрывы грубого смеха и бурные аплодисменты.

Наконец и эта часть празднества окончилась, и Екатерина могла удалиться в сопровождении фрейлин во внутренние покои.

Теперь она была одна, вне подозрительных взглядов. Улыбка исчезла с ее уст, и на лице отразился отпечаток глубокой грусти.

— Джейн, — сказала она своей фрейлине, графине Дуглас, — прошу тебя, закрой дверь и задерни шторы на окнах, чтобы никто не мог ни видеть, ни слышать меня — никто, кроме тебя, моей подруги, спутницы моих счастливых дней. О боже мой, боже мой, к чему я была так неразумна и покинула тихий замок отца! Зачем я пустилась в бурный поток жизни, полной ужасов и отчаянья?

Леди Джейн посмотрела на нее со злорадной усмешкой.

«Она — королева и плачет, — подумала она про себя. — Боже мой, ну как можно чувствовать себя несчастной, когда становишься королевой?»

Однако, приблизившись к Екатерине, леди Джейн присела на низенькую скамеечку возле ее ног и, запечатлев горячий поцелуй на свисавшей руке королевы, сказала заискивающим тоном:

— Ваше Величество, вы изволите плакать? Боже мой, так неужели же вы чувствуете себя несчастной? А я-то с таким торжеством радости приняла весть о поразительном счастье своей подруги, я надеялась встретить в ней светящуюся радостью, гордую и счастливую королеву! Ведь я боялась только одного, только одно терзало меня — это как бы королева не перестала быть моим другом. Поэтому-то я и торопила отца как можно скорее покинуть Дублин, чтобы, следуя вашему приказу, поспешить сюда. О боже, как бы хотела я видеть вас счастливой и гордой своим величием!

Екатерина провела руками по лицу и сказала со скорбной улыбкой:

— Ну и что же? Разве ты недовольна тем, что увидела? Разве же ты не видела во мне в течение целого дня улыбающейся королевы? Разве не была я одета в затканное золотом платье? Разве не сверкала моя шея бриллиантами? Разве из моих волос, красуясь, не выглядывала королевская диадема и разве не настоящий король сидел бок о бок со мной? Так довольно же этого теперь, Джейн! Целый день ты видела королеву, позволь же мне на краткий, мимолетный момент снова стать чувствующей и страдающей женщиной, которая может излить все свои жалобы и горести на груди своей подруги. Ах, Джейн, если бы ты знала, как страстно ждала я этого часа, который казался мне бальзамом для моего бедного, насмерть пораженного сердца, как весь этот день я молила Небо только об одном: верни мне моего друга, возврати мне мою Джейн, чтобы она могла поплакать со мной, чтобы около меня было существо, которое понимает меня и не даст себя обмануть мишурным блеском внешнего великолепия!

— Бедная Екатерина, бедная королева! — шепнула леди Джейн.

Екатерина испуганно вздрогнула и, закрыв своей усыпанной бриллиантами рукой рот Джейн, сказала:

— Не называй меня так! Королева! Боже мой, разве в одном этом слове не звучат все ужасы прошлого? Королева! Разве это не значит быть обреченной эшафоту и кровавому судилищу? Ах, Джейн,

смертельный ужас холодит мне кровь! Я — шестая королева Генриха VIII. Значит, и я тоже буду осуждена или со стыдом и позором свергнута с трона.

Она закрыла лицо руками, все ее тело дрожало. Она не видела, с каким злорадством смотрела на нее леди Джейн, она не подозревала, с какой внутренней радостью встречала ее «подруга» эти жалобы и вздохи!

Но вслух леди Джейн сказала:

— К чему такие опасения, Екатерина? Король любит вас; весь двор обратил внимание на то, с какой нежностью и любовью смотрел он на вас сегодня и с каким восторгом прислушивался к каждому вашему слову. Успокойтесь! Король любит вас!

Екатерина, судорожно схватив ее за руку, шепнула:

— Король любит меня, а я... я дрожу перед ним; даже более того — меня пугает его любовь. Его руки обгажены кровью, а когда сегодня я видела его облеченным в пурпур, я подумала: скоро и моя кровь брызнет на этот царский багрянец!

Джейн засмеялась, после чего произнесла:

— Вы больны, Екатерина! На вас слишком сильно подействовала неожиданность вашего счастья, и чересчур возбужденные нервы вызывают в душе всевозможные страшные картины — вот и все.

— Нет, Джейн, эти мысли вечно жили во мне. Они неотлучно роились во мне с того самого момента, когда король избрал меня своей супругой.

— Так почему же вы не отклонили от себя этой чести? — спросила леди Джейн. — Почему же не сказали «нет», когда король посватался к вам?

— Ты спрашиваешь, почему я этого не сделала? Ах, Джейн, разве ты до такой степени новичок при дворе, что не знаешь самой простой истины: надо или повиноваться приказу короля, или умереть! Боже мой! Мне еще завидуют! Меня называют величайшей и могущественнейшей женщиной во всей Англии! Да неужели никому не ясно, что я беднее и беспомощнее последней уличной нищенки, которая по крайней мере имеет право распоряжаться собою, как хочет?! Я не смела выбирать сама, я должна была либо обречь себя смерти, либо принять королевскую руку, протянувшуюся ко мне. А ведь мне не хотелось еще умирать, мне еще очень много хочется от

жизни, так как до сих пор я имела от нее крайне мало! Ах, это несчастное, безрадостное существование, которое было моим уделом до сих пор! Разве не представляло оно собой цепи отречений и лишений, осыпавшихся цветов и печальных туманных образов? Правда, до сих пор я еще не испытывала того, что обыкновенно называют несчастьем. Но разве может быть более глубокое несчастье, чем то, когда не знаешь счастья, когда жизнь течет без желаний и надежд и постоянная скука пронизывает эту безрадостную, окруженную блеском и роскошью жизнь?

— Вы не были несчастливой? — воскликнула Джейн. — Но ведь вы — круглая сирота?

— Я потеряла мать в таком раннем возрасте, что даже не знала ее, а когда умер отец, то это показалось мне скорее счастьем, так как по отношению ко мне он никогда не был настоящим отцом, он был только строгим тираном и повелителем.

— Но ведь вы были замужем!

— Замужем! — повторила Екатерина со скорбной улыбкой. — Это значит, что отец продал меня старому, разбитому параличом лорду Невиллу, у постели которого я провела несколько безрадостных, скучных лет, пока мой муж не оставил меня богатой вдовой. Люди, разумеется, опять-таки назвали это счастьем, потому что я стала молодой независимой вдовой! Но к чему была мне эта независимость, раз меня сковали новыми узами? Сперва я была рабой отца, потом — мужа, а затем, по его смерти, — рабой своих владений. Я перестала быть сиделкой только для того, чтобы стать управительницей имения! О, это время было самым скучным во всей моей жизни, и все-таки ему я обязана своим единственным счастьем, так как в то время познакомилась с тобой, моя Джейн, и мое сердце, не знавшее доселе нежности, привязалось к тебе со всей стремительностью первой страсти. Поверь мне, Джейн, когда явился скитавшийся где-то вдали племянник моего мужа, оттягавший у меня имение, единственным моим горем была необходимость расстаться с тобой и твоим отцом, моими добрыми соседями по имению. Люди выражали мне сожаление по поводу потери владений, а я благодарил Бога, что Он снял с меня бремя этих забот, и переехала в Лондон, чтобы начать там наконец жить и чувствовать, чтобы познать настоящее счастье и истинное несчастье...

— И что же вы нашли здесь?

— Несчастье, Джейн, ибо я стала королевой.

— И это — ваше единственное несчастье?

— Единственное, но оно достаточно велико, так как обрекает меня на вечный страх, на вечное притворство. Ах, Джейн! Скажу тебе одно — я живу и в то же время испытываю все муки смерти. Знаешь, Джейн, когда король явился ко мне, признался мне в любви и предложил свою руку, перед моими глазами внезапно нарисовалась страшная картина. Передо мной был не король, а палач! И мне казалось, что у его ног я вижу три трупа, так что с криком отчаяния я упала в глубоком обмороке к его ногам. Очнувшись, я увидела, что король держит меня в объятиях. Он вообразил, что я упала в обморок от неожиданного счастья. Он поцеловал меня и назвал своей невестой, он не допускал даже и мысли, чтобы я могла отказать ему! А я — ты вправе презирать меня за это, Джейн, — я не нашла в себе достаточно мужества, чтобы сказать решительное слово. Видишь ли, Джейн, люди называют меня честолюбивой, уверяют, что я дала Генриху согласие только потому, что он — король. Ах, не знают люди, как я боюсь этого королевского венца! Они не знают, что в ужасе я принялась умолять Генриха отказаться от меня, чтобы не восстанавливать против меня всех остальных женщин в королевстве. Они не ведают, что я призналась ему в любви, но только для того, чтобы уверить его, будто я отказываюсь от своего счастья во имя счастья престола и короля; я заклинала его выбрать себе достойную супругу среди молодых принцесс Европы. Но Генрих отверг мою жертву. Он хотел иметь такую королеву, которая принадлежала бы ему и как женщина, и как вещь, кровь которой он мог бы пролить как муж и повелитель! И вот я стала королевой. Я примирилась с ожидающей меня участью, но все-таки отныне все мое существование превратится в вечную борьбу со смертью. Зато я хочу по крайней мере продать свою жизнь как можно дороже, и библейское изречение, сообщенное мне Кранмером, будет теперь моим девизом на тернистом пути жизни.

— Какое изречение? — спросила Джейн.

— «Будьте мудры, как змеи, и кротки, как голуби», — ответила Екатерина, с усталой улыбкой склоняя голову на грудь и отдаваясь скорбным, полным мрачных предчувствий думам.

Что касается леди Джейн, то она с жестоким спокойствием смотрела на дрожащую королеву, которая, дав повод для радости всей Англии, сидела перед ней удрученная печалью и горем.

Вдруг Екатерина подняла голову. Ее лицо приняло теперь совершенно другое выражение, она вся светилась решимостью, твердостью и смелостью. С легким кивком головы она протянула руку подруге, привлекла ее к себе ближе и сказала, целуя ее в лоб:

— Благодарю тебя, Джейн, благодарю тебя! Ты успокоила мое сердце и освободила его от гнетущей тяжести затаенной скорби. Кто может высказаться, может открыть свое горе, тот почти избавился от него. Так спасибо же тебе, Джейн! Отныне ты будешь видеть меня веселой и полной решимости. Сейчас моими устами жаловалась тебе женщина, но ведь я теперь — королева и знаю, что мне надлежит выполнить столь же тяжелую, сколь и возвышенную задачу. И я даю тебе свое слово, что выполню ее. Новый свет, зажегшийся над миром, не должен затемняться более кровью и слезами, и в этой злосчастной стране не должно более выдавать истинно верующих и разумных за бунтовщиков и еретиков! Вот задача, которую внушил мне Господь, и клянусь тебе, что я выполню ее. Поможешь ли ты мне и в этом, Джейн?

Леди Джейн ответила рядом каких-то несвязных слов. Екатерина не поняла их и, взглянув на Джейн, с удивлением заметила, какой поразительной бледностью покрылось ее лицо. Екатерина еще раз пытливо и внимательно взглянула ей прямо в глаза.

Перед этим пламенным, испытующим взглядом леди Джейн потупилась. На мгновенье фанатизм пересилил в ней все остальные соображения, и, как ни приучилась она скрывать свои истинные мысли и чувства, на этот раз дала им прорваться наружу и выдала их пронизательным взором подруги.

— Мы уже давно не видались с тобой, — грустно сказала Екатерина, — целых три года! Это — большой срок для сердца девушки! А ведь эти три года ты была с отцом в Дублине при строгом католическом дворе. Этого я не приняла во внимание! Но, как бы ни изменились твои убеждения, я уверена, что твое сердце осталось прежним и ты наверняка осталась прежней гордой, великодушной Джейн, которая раньше никогда не унижалась до лжи, хотя бы эта ложь и могла снискать тебе счастье и выгоду. Так я спрашиваю тебя,

Джейн, какой религии ты придерживаешься? Верить ли ты в святость римского папы или же следуешь новому учению, провозглашенному миру Лютером и Кальвином?

Леди Джейн, улыбнувшись, ответила:

— Разве я решилась бы появиться перед вами в качестве фрейлины, если бы склонялась в душе к Католической церкви? Екатерину Парр приветствуют все английские протестанты как новую - покровительницу запрещенного учения, а католические попы уже призывают анафему на ее главу и проклинают как саму королеву, так и ее новое счастье. А вы еще спрашиваете меня, не принадлежу ли я к числу приверженцев той самой церкви, которая проклинает и предает анафеме вас? Вы спрашиваете меня, верю ли я в папу, оскорбившего буллой отлучения того самого короля, который является не только моим повелителем и господином, но и супругом моей обожаемой Екатерины! О королева, вы не любите меня, если обращаетесь ко мне с подобными вопросами!

И, будто бы полная страдания, леди Джейн рухнула к ногам Екатерины и зарылась головой в складки ее платья.

Екатерина наклонилась к ней, чтобы поднять ее и прижать к своему сердцу. Вдруг она вздрогнула, и смертельная бледность залила ее лоб и щеки.

— Король! — шепнула она. — Король идет сюда!

Глава 3. Генрих VIII

Екатерина не ошиблась. Дверь открылась, и на пороге показался обер-гофмаршал с золотым посохом в руках.

— Его Величество король! — шепнул он торжественным, серьезным тоном, наполнившим Екатерину тайным ужасом, словно в этих словах для нее внезапно прозвучал смертный приговор.

Но она заставила себя улыбнуться и приблизилась к двери, чтобы встретить короля.

Теперь послышался громовый грохот, и по гладко отполированному полу зала покатился большой, посаженный на колеса стул, в который вместо лошадей были запряжены люди. С тонким льстивым умыслом этот стул был сделан в виде триумфального сиденья древних победоносных римских цезарей, чтобы при прогулках по залам в этом экипаже доставлять королю приятную иллюзию, будто он совершает триумфальную поездку и к трону цезарей его приковывает совсем не тяжесть его жирного тела. Король Генрих VIII охотно верил льстивому обману кресла и придворных, и, когда в залитом светом зале видел в венецианских зеркалах свой образ отраженным тысячей изображений, то с удовольствием погружался в грезы триумфатора и совершенно забывал, что этому стулу он обязан не величием подвигов, а своей неумеренной грузностью.

Эта отвратительная гора мяса, целиком заполнявшая колоссальный стул, эта куча говядины, облаченная в пурпур, эта обрюзгшая, бесформенная фигура была Генрихом VIII, королем «счастливой Англии». Но на этом бесформенном туловище была еще и голова!

Она была полна мрачными, гневными мыслями, а сердце короля томилось жаждой кровавых, зловещих зрелищ. Хотя необъятное тело и было приковано к стулу своей громоздкостью, однако дух Генриха не отдыхал никогда и вечно хищным коршуном носился над головами подданных, чтобы наметить себе невинную голубку, на которую он мог бы броситься с когтями, выпить ее кровь и вырвать сердце, чтобы возложить его трепещущим и горячим на алтарь своего кровожадного бога.

Стул короля остановился, и Екатерина со смеющимся лицом поспешила к нему, чтобы помочь своему царственному супругу

вылезти.

Генрих приветствовал ее милостивым кивком головы и отверг помощь прислуживавших пажей.

— Отойдите! — сказал он им. — Отойдите прочь! Здесь мне должна протянуть руку помощи одна только Екатерина, чтобы с улыбкой радости ввести в брачный покой! Идите, мы чувствуем себя сегодня юными и сильными, словно в самые счастливые и прекрасные дни прошлого, и молодая королева должна увидеть, что ее ласки добивается не расслабленный годами старец, а сильный, помолодевший от любви муж! Не подумай, Кэт, что я воспользовался этим стулом по слабости. Нет, это произошло потому, что, тоскуя и страстно желая тебя, я хотел увидеть тебя как можно скорее! — Он, улыбаясь, поцеловал супругу в лоб и, слегка опираясь о ее руку, легко встал со стула. — Убирайтесь теперь с этим экипажем, убирайтесь все! — велел он. — Мы хотим остаться наедине с этой молодой, прекрасной женщиной, которую господа епископы отдали сегодня нам в собственность!

Следуя знаку руки короля, вся блестящая свита удалилась, и Екатерина осталась наедине с супругом. Ее сердце билось так бешено, что губы дрожали и грудь бурным валом вздымалась под платьем.

Генрих видел это и улыбался, но то была холодная, мрачная улыбка, от которой Екатерина побледнела.

«Даже в любви его не покидает улыбка тирана! — подумала она. — Быть может, еще только вчера он с этой же самой улыбкой, с которой теперь хочет признаться мне в любви, подписал чей-нибудь смертный приговор или сделает это завтра утром».

— Любишь ли ты меня, Кэт? — внезапно спросил король, смотревший до того времени на жену с молчаливым раздумьем. — Скажи, Кэт, любишь ли ты меня?

Он пытливо посмотрел ей в глаза, как будто желая проникнуть в самую душу.

Екатерина выдержала его взгляд и не отвела своего взора. Она чувствовала, что этот момент является знаковым и должен отразиться на всем ее будущем, и уверенность в этом давала ей особенную энергию и твердость.

Теперь она была уже не робкой, дрожащей девушкой, но решительной, смелой женщиной, готовой бороться с судьбой за свое величие и блеск.

— Любишь ли ты меня, Кэт? — переспросил ее король, и его высокое чело слегка омрачилось.

— Не знаю, — ответила Екатерина с улыбкой, очаровавшей короля, так как в ней было столько пленительной кокетливой грации, столько задорной стыдливости!

— Ты не знаешь этого? — с удивлением повторил Генрих. — Ну, клянусь Божьей Матерью, первый раз в моей жизни женщина отваживается дать мне подобный ответ! Ты — храбрая женщина, Кэт, и я хвалю тебя, что ты решаешься ответить мне таким образом. Я люблю храбрость, так как редко встречаю ее в других. Ведь все дрожат передо мной, Кэт, все! Все знают, что я не отступлю перед кровопролитием и что в твердом сознании королевской власти и долга я так же спокойно подпишу смертный приговор, как и любовное письмо.

— О, вы — великий король! — пробормотала Екатерина.

Генрих не обратил внимания на ее слова. Он углубился в самосозерцание, которому отдавался с удовольствием, непрестанно утверждаясь в своем величии и великолепии.

— Да, — продолжал он, и его глаза, бывшие, несмотря на ожирение, очень большими, засветились ярким пламенем. — Да, все дрожат передо мной, потому что знают меня за строгого и справедливого короля, не щадящего своей собственной крови, когда дело идет о том, чтобы карать и предупреждать преступления и наказывать преступника, не разбирая того, насколько близко стоит он к королевскому трону. Поэтому берегись, Кэт, берегись! Ты видишь во мне Божьего мстителя, судью людей! Короли носят пурпур не потому, что он красив и ярок, а потому, что он красен, как кровь, и потому, что предвечное право королей — проливать кровь преступных подданных, чтобы человеческие прегрешения не оставались неотмщенными. Только так понимаю я свою власть, и так я буду проводить ее вплоть до конца своих дней. Не правом миловать, а правом карать отличаются властители от других, более низко стоящих людей. На устах короля должен вечно дрожать Божий гром, и словно молния должен низвергаться гнев короля на голову виновного.

— Но ведь Господь — не только Бог гнева, но и Бог сострадания и прощения, — сказала Екатерина, стыдливо и застенчиво опуская голову на плечо короля.

— В том-то и заключается преимущество Бога перед королями, что Он может давать место жалости и милосердию там, где мы, короли, можем только карать и казнить. Ведь должно же быть нечто, что делает Бога более великим и мощным, чем короли! Но что я вижу, Кэт? Ты дрожишь, и с твоего милого личика исчезла ласковая улыбка? О, не бойся меня, Кэт! Будь всегда правдива со мной, тогда я постоянно буду любить тебя и ты будешь в полной безопасности. А теперь, Кэт, объясни, как это ты не знаешь, любишь меня или нет?

— Я не знаю этого, Ваше Величество. Да и как мне знать и называть каким-либо именем то, что совершенно мне незнакомо?

— Так ты никогда не любила, Кэт? — спросил король с выражением радости.

— Никогда! Отец обращался со мной очень дурно, и я не могла чувствовать к нему ничего, кроме ужаса и страха.

— А супруга, Кэт? Того человека, который был моим предшественником в обладании тобою, разве ты не любила?

— Супруг? — раздумчиво спросила она. — Правда, отец продал меня лорду Невиллу, и, когда священник соединил наши руки, люди стали называть меня его женой. Но лорд отлично знал, что я не любила его, да ему этого и не нужно было. Ему нужна была не женщина, а сиделка. Он дал мне свое имя, как его дает отец своей дочери, и я была для него только дочерью, верной, послушной дочерью, которая с радостью исполняла все свои обязанности и ухаживала за ним вплоть до самой его смерти.

— Ну а после его смерти, дитя? Ведь с того дня протекли годы, Кэт! Ну скажи, умоляю тебя, Кэт, скажи правду, только самую чистую правду! Разве ты ни разу не любила после смерти своего мужа?

Король смотрел на жену с видимым страхом и с громадным напряжением искал ответа в ее взоре. Но она не отвела от него своих глаз и сказала ему с очаровательной улыбкой:

— О, еще до недавнего времени, еще несколько недель тому назад я частенько плакала над собой в отчаянии от одиночества и холода моего существования. Мне так хотелось вскрыть свою грудь и поискать там, где же потерялось сердце, которое оставалось

равнодушным и холодным и не выдавало мне горячим биением своего присутствия. О, Ваше Величество, я тосковала над собой и в своей безумной торопливости уже роптала на небеса, лишившие меня благороднейшего преимущества женщины, а именно: прекраснейшего права и способности любить!

— Ты говоришь, Кэт, что это было с тобой вплоть до недавнего времени? — с испугом спросил король.

— Да, Ваше Величество, вплоть до самого дня, в который вы оказали мне честь впервые заговорить со мной!

Король слегка вскрикнул и, порывисто прижав Екатерину к себе, спросил:

— Ну а с тех пор, ответь мне, мой маленький, нежный голубок, бьется твое сердце?

— Да, Ваше Величество, оно бьется, о, так бьется, словно хочет разорваться! Когда я слышу ваш голос, когда я вижу ваш облик, то мне кажется, что холодная жуть насквозь пронизывает меня и вся кровь приливает к сердцу. Мне кажется, будто мое сердце заранее чувствует ваше приближение, еще до того, как глаза видят вас. Ведь еще перед тем, как вы входите ко мне, я ощущаю особенный трепет сердца, дыхание стесняет в моей груди; когда это случается, я всегда знаю, что вы приближаетесь ко мне и что скоро ваше присутствие освободит меня от этого напряженного состояния. Когда вас нет со мной, я думаю о вас, а засыпая, вижу во сне только вас одних. Скажите же мне, Ваше Величество, — ведь вы знаете все! — скажите, люблю ли я вас?

— Да, да, ты любишь меня! — воскликнул Генрих, почувствовавший себя, благодаря такому неожиданному признанию, юношески пылким. — Да, Кэт, ты любишь меня, и если я смею верить твоим нежным признаниям, то я — твоя первая любовь! Повтори мне еще раз: ты была лорду Невиллу только дочерью и больше ничем?

— Больше ничем, Ваше Величество!

— И у тебя никогда не было любовников?

— Никогда, Ваше Величество!

— Так неужели же должно исполниться счастливое чудо! Неужели же я женился не на вдове и сделал королевой чистую девушку? — воскликнул Генрих.

Под взором пламенных страстных глаз короля Екатерина потупилась, и глубокий румянец залил ей лицо.

А король, бурно прижимая ее к своей груди, воскликнул:

— О, вот женщина, которая краснеет от стыда! Что за очаровательное зрелище!.. Ну разве же все мы, даже не исключая и королей, не являемся глупыми, близорукими людьми! Чтобы не обрекать и своей шестой жены кровавой плахе, я, не доверяя похотливой испорченности вашего пола, избрал себе в жены вдову, а эта вдова по счастливой случайности осмеивает новый закон¹ мудрого парламента и исполняет то, чего даже не обещала. Подойди ко мне, Кэт, дай мне поцеловать тебя! Ты открыла сегодня передо мной счастливую, сияющую будущность и приготовила мне неожиданную гордую радость. Благодарю тебя за это, Кэт, и да будет моим свидетелем Матерь Божия, что я никогда не забуду этого! — Он снял с пальца драгоценное бриллиантовое кольцо, надел его ей на палец и затем продолжал: — Пусть это кольцо будет тебе напоминать о настоящем часе, и если ты когда-либо обратишься ко мне с какой бы то ни было просьбой и покажешь это кольцо, то я исполню ее.

Он нежно поцеловал супругу в лоб и хотел крепче сжать ее в объятиях, как вдруг снаружи донеслись приглушенная дробь барабанов и звон колоколов.

Генрих вздрогнул и выпустил Екатерину из своих объятий. Он прислушался: бой барабанов продолжал звучать, время от времени издали доносились всплески шума, напоминавшего морской прибой и, очевидно, производимого большой массой народа.

С диким проклятием король распахнул стеклянные двери и вышел на балкон.

Екатерина смотрела ему вслед с загадочной стыдливо-рассерженной улыбкой.

— По крайней мере я так и не сказала ему, люблю ли я его, — тихо пробормотала она. — Он сам истолковал мои слова так, как подсказывало ему тщеславие. Но как бы там ни было, а я не желаю умирать на эшафоте!

Решительным твердым шагом она последовала за королем на - балкон.

Барабанный бой все еще продолжался, и изо всех церквей лился колокольный звон.

Ночь была очень темной и тихой; казалось, что весь Лондон погрузился в глубокий сон, и темные силуэты домов вздымались вокруг, словно громадные гробы.

Вдруг горизонт начал освещаться, и на небе показалась ярко-красная полоса, которая разгоралась все ярче и ярче, так что вскоре весь горизонт оказался залитым пурпурными потоками огня, и даже на балкон, где стояла королевская чета, огненными отблесками ложились яркие полосы.

Колокола все еще заливались и стонали, и время от времени издали доносились пронзительные крики и ропот тысяч смешавшихся голосов.

Вдруг король обернулся к Екатерине, и его лицо, казавшееся перед тем покрытым кроваво-красной вуалью, теперь пылало дикой, демонической радостью.

— Ах, — сказал он, — я знаю, что это такое! Ты, моя маленькая чародейка, совсем сбила меня с толку и лишила ясности мысли! На мгновение я перестал быть королем, так как хотел всецело и безраздельно быть твоим любовником. Теперь же я снова вспоминаю о прелести моей карающей власти! Это костры пылают там так весело, а шипение и крики означают то, что мой веселый народ всей душой радуется той комедии, которую я приказал разыграть сегодня перед ним во славу Божию и во имя моего королевского достоинства!

— Костры? — дрожа, воскликнула Екатерина. — Но ведь вы не хотите этим сказать, Ваше Величество, что как раз в эту минуту там умирают люди в страданиях и муках, что в тот самый момент, когда король называет себя счастливым и довольным, некоторые из его подданных обречены отчаянному несчастью и самым ужасным мучениям? О нет, мой король не станет омрачать свадебный день своей королевы печальным соседством смерти! Он не захочет до такой степени смутить всю радость моего счастья!

Король засмеялся.

— Нет, я не только не хочу омрачить для тебя этот день, но, наоборот, желаю озарить его веселыми струйками огня, — ответил он, простирая руки и показывая на пылающее небо. — Это — наши свадебные факелы, дитя, самые прекрасные и святые факелы, моя Кэт, так как они горят во имя Бога и короля! А вздымающееся к небесам пламя, уносящее души еретиков, взметнется к Богу и передаст Ему

радостную весть, что самый верный и послушный из его сынов не забывает королевских обязанностей даже в день своей величайшей радости и всегда остается карающим слугой своего Бога.

Генрих был страшен, говоря это. Его освещенное пламенем лицо приняло звериное, угрожающее выражение, его глаза пылали, на тонких, тесно сжатых губах играла холодная, мрачная улыбка.

«О, ему неведомо сострадание! — сказала про себя Екатерина, в ужасе глядя на короля, с фантастическим воодушевлением любовавшегося потоками пламени, в которых сейчас, быть может, извивался в предсмертных муках какой-либо его несчастный подданный, страдавший “во славу Божию и во имя короля”. — Нет, ему неведомы страдание и жалость!»

Теперь Генрих обернулся к ней и, нежно охватив рукой затылок, обвил пальцами ее изящную шею, нашептывая ей на ухо нежные слова и признания.

Екатерина задрожала. В этих ласках короля для нее заключалось что-то особенно непристойное и отвратительное. Ей казалось, будто палач щупает шею своей жертвы, выискивая место, где он может отрубить голову одним махом.

Так когда-то Анна Болейн, вторая супруга Генриха VIII, обвив шею своими нежными, белыми ручками, обратилась к специально выписанному из Кале палачу со следующими словами:

— Прощу вас, постарайтесь попасть сразу и метко! Ведь у меня такая маленькая, узенькая шейка!

Так схватил король за шею Екатерину Говард, свою пятую жену, когда она хотела прижаться к нему, а он, убежденный в ее неверности, отбросил ее от себя с дикими проклятиями. Черные полосы от его пальцев были еще видны на ее шее, когда она положила голову на плаху.

А теперь для Екатерины Парр это страшное прикосновение означало ласку, на которую она должна была отвечать улыбкой и радостным взором!

Обвив ее шею, Генрих шептал ей нежные слова и вплотную прижался лицом к ее щеке.

Но Екатерина не обращала внимания на его страстные нашептывания. Она не видела ничего, кроме кроваво-красных полос на небе; она не слышала ничего, кроме жалобных воплей осужденных.

— Пощадите, пощадите! — простонала она. — О, пусть сегодняшний день будет праздником для всех ваших подданных! Будьте милосердны, и если вы на самом деле любите меня, то исполните мою первую просьбу, с которой я обращаюсь к вам. Подарите мне жизнь этих несчастных! Пощадите, Ваше Величество, пощадите!

И вдруг, словно мольбам королевы ответило эхо, из комнаты послышался полный отчаяния женский голос, повторивший:

— Пощадите, Ваше Величество, пощадите!

Генрих резко повернулся, и его лицо приняло мрачное, гневное выражение. Он уставился на Екатерину, словно желая прочесть на ее лице, знает ли она, кто дерзает вмешиваться в их разговор.

Но лицо Екатерины выражало только глубочайшее изумление.

— Пощадите, пощадите! — твердил голос.

Король издал крик ярости и бросился в комнату.

¹ После того как была доказана неверность и порочность Екатерины Говард, пятой жены Генриха VIII, за что ей пришлось заплатить жизнью, парламент Англии издал закон, гласивший, что если король и его наследники собираются жениться на девственнице, а она таковой не окажется, но в этом будущему супругу не признается, то такое ее преступление является государственной изменой, причем ее сообщниками считаются все те, кто знал об этом и не донес. — *Примеч. автора.*

Глава 4. Король Божьим гневом

— Кто осмеливается мешать нам? — закричал Генрих, бурно врываясь с балкона в комнату. — Кто осмеливается говорить здесь о пощаде?

— Я осмеливаюсь на это! — ответила какая-то молодая дама, которая с бледным, горестным лицом подбежала к королю и в сильном возбуждении бросилась к его ногам.

— Энн Аскью! — в изумлении произнесла Екатерина. — Энн, что тебе нужно здесь?

— Пощады нужно мне, пощады для этих несчастных, которые страдают там! — воскликнула дама, показывая с выражением полного отчаяния на побагровевшее небо. — Я прошу пощады ради самого короля, который хочет быть настолько жестоким, чтобы отправлять на бойню, словно скотов, самых лучших, самых благородных из своих подданных!

Королева пришла в ужас при этих горячих словах Энн. Она знала своего супруга; знала, что каждому, осмелившемуся сказать ему дерзкое слово, грозила строжайшая немилость, а порой даже и смерть. И чтобы отвлечь от бедняжки страшную участь, она умоляюще проговорила, обращаясь к Генриху:

— О, Ваше Величество, сжальтесь над этой молодой особой! Сжальтесь над ее пламенным возбуждением и пылкостью. Она еще не привыкла к таким картинам ужаса; она еще не знает, что к числу печальных обязанностей короля принадлежит обязанность карать там, где он, быть может, охотно миловал бы!

Генрих улыбнулся, но взор, который он бросил на коленопреклоненную перед ним даму, заставил Екатерину задрожать. В этом взоре она прочла смертный приговор.

— Если не ошибаюсь, — спросил король, — Энн Аскью служит при вас второй фрейлиной и назначение ее произошло по вашему настоящему желанию?

— Да, Ваше Величество, — ответила Екатерина.

— Значит, вы ее знаете?

— Нет, Ваше Величество: несколько дней тому назад я увидела ее в первый раз. Но она очень понравилась мне с первой встречи, и я

почувствовала, что буду любить ее, как друга.

Но король все еще думал о чем-то, и ответы Екатерины не удовлетворили его.

— Почему же вы так интересовались этой молодой особой, если даже не знали ее? — спросил он.

— Мне горячо рекомендовали ее!

— Кто рекомендовал ее вам?

Екатерина запнулась: она почувствовала, что в своей поспешности зашла, пожалуй, слишком далеко и королю небезопасно говорить правду.

— Епископ Кранмер, Ваше Величество, — ответила Екатерина, поднимая взор на короля и смотря на него с бесконечно очаровательной улыбкой.

В этот момент с улицы донесся оглушительный грохот барабанов, сквозь который прорывались жалобные крики и стоны. Огненные языки взметнулись еще выше, и теперь совершенно ясно было видно, как пламя со злорадной жадностью порывалось лизнуть небеса.

Энн Аскью, почтительно молчавшая во время разговора королевской четы, не выдержала, и напряженность момента лишила ее последних остатков осторожности.

— Боже мой, боже мой! — сказала она, дрожа от ужаса и с мольбой простирая руки к королю. — Разве же вы не слышите кошмарного стоны отчаяния этих людей? Ваше Величество, заклинаю вас вашим собственным смертным часом, сжальтесь над этими несчастными! Прикажите по крайней мере убить их сначала, а потом уже бросать в пламя! Избавьте их от этого ужасного мучительства!

Генрих бросил гневный взор на коленопреклоненную фрейлину, затем подошел к двери, ведущей в соседний зал, где короля поджидали придворные, кивнул епископам Кранмеру и Гардинеру, чтобы они подошли ближе, и приказал лакеям широко распахнуть двери зала.

Вся сцена производила какое-то своеобразное впечатление, эта столь тихая до того комната вдруг стала ареной большой драмы, которая, вероятно, должна была закончиться кровавым эпилогом.

Главные персонажи этой сцены все еще оставались в небольшой, обставленной с блеском и роскошью спальне королевы. Посредине комнаты стоял король в расшитой золотом и блестящей драгоценными камнями одежде, ослепительно сверкавшей в свете

люстры. Рядом с ним находилась молодая королева, и ее прекрасное, милое лицо с боязливым напряжением было обращено к королю, по строгим и мрачным чертам которого она словно старалась разгадать развязку этой сцены. Недалеко от них на коленях стояла Энн Аскью, скрывая в ладонях залитое слезами лицо; далее, сзади, стояли оба епископа, смотревшие на группу с серьезным, равнодушным спокойствием.

Сквозь широко распахнутые двери зала можно было видеть напряженные, полные любопытства лица придворных, которые тесной толпой сгрудились у дверей, а напротив них, сквозь открытую балконную дверь, видно было пылавшее заревом небо, с улицы доносились звон колоколов, грохот барабанов, стоны и вой народа.

Затем наступила глубокая тишина, и когда вслед за этим король заговорил, звук его голоса дышал таким железным спокойствием и холодом, что всех присутствующих пронизал невольный трепет.

— Ваши высокопреосвященства, — обратился он к епископам, — мы призвали вас, чтобы силой ваших молитв и мудростью ваших слов вы изгнали из этой молодой особы беса, которым она, без сомнения, одержима, так как она дерзает обвинять своего короля и повелителя в жестокости и несправедливости.

Оба епископа подошли ближе к коленопреклоненной женщине; оба положили ей руки на плечи и склонились к ней, но каждый с особым выражением лица. Взгляд Кранмера был ласков и кроток, и сочувственная, ободряющая улыбка царила на его тонких устах. Наоборот, выражение лица Гардинера сохраняло ясный отпечаток холодной, мрачной иронии, а улыбка, игравшая на его толстых, чувственных губах, ясно говорила о радости бессердечного жреца, готового заколоть перед алтарем своего идола трепещущую жертву.

— Ободрись, дочь моя, ободрись и оправься, — шепнул Кранмер.

— Да будет над тобой и нами всеми Бог, благословляющий праведных и карающий грешников! — сказал Гардинер.

Но Энн Аскью почувствовала ужас от прикосновения его руки и резким движением высвободила плечо.

— Не трогайте меня! Это вы — палач тех несчастных, которых казнят теперь там! — резко сказала она, а затем, снова обращаясь к королю и умоляюще простирая к нему руки, она воскликнула: — Пощадите, король Генрих, пощадите!

— Пощадить? — повторил король. — Пощадить? А кого? Тех, кого казнят там, на улице? Так скажите же мне, ваши высокопреосвященства, кого возводят сегодня на костры? Кто осужден?

— Это еретики, которые обвиняются в исповедании нового вероучения, занесенного к нам из Германии. Они решаются отвергать духовную власть нашего господина и короля, — объяснил епископ Гардинер.

— Это католики, которые признают римского папу за верховного пастыря христианской церкви и не желают никого кроме него считать своим господином! — произнес епископ Кранмер.

— Вот видите, — оживился король, — эта молодая особа обвиняет нас в несправедливости, однако там, на кострах, находятся не только еретики, но и католики. Поэтому мне кажется, что мы, как и всегда, справедливо и беспристрастно предаем эшафоту только действительно виновных!

— О, если бы вы увидели то, что я видела, — горестно сказала Энн Аскью, — тогда вы собрали бы все свои жизненные силы для одного-единственного крика, который выразился бы в единственном слове: «Пощадите!» И вы крикнули бы это слово отсюда прямо к месту мучения и отчаяния!

— Что же вы видели там? — с улыбкой спросил король.

Энн Аскью выпрямилась, и ее стройная фигура поднялась теперь, словно лилия, между обеими темными фигурами епископов. Ее глаза были неподвижны и широко раскрыты, на благородных и нежных чертах лица лежал отпечаток отчаяния и ужаса.

— Я видела женщину, которую вели на казнь, — сказала она. — Это была не преступница, а знатная дама, гордое и возвышенное сердце которой никогда еще не затаивало в себе мысли о предательстве или неверности. Она была верна своей вере и убеждениям и не могла отречься от Бога, которому служила. Когда она шла через толпу, казалось, будто сияние мученического венца окружает ее голову и ее седые волосы сверкают серебряными лучами. Все решительно склонялись перед ней, и самые бессердечные мужчины плакали при виде этой несчастной женщины, которая прожила на свете почти семьдесят лет и которой не могли позволить умереть на ее старческом одре, а хотели убить во славу Бога и короля. Она же

улыбалась, ласково кивала рыдающему народу и шла к эшафоту так, как будто это был трон, на который ей стоит только воссесть, чтобы принять восторги и почести толпы. Двухгодичное тюремное заключение заставило побледнеть ее щеки, но не в силах было затушить огонь ее глаз и убить силу ее духа, а бремя семи десятков прожитых лет не заставило ее склонить свою голову и не сломило ее мужества. Гордо и твердо поднялась она по ступенькам эшафота, еще раз поклонилась народу и воскликнула: «Я помолюсь перед Господом за вас». Когда же она подошла к палачу и тот потребовал, чтобы она дала связать свои руки и встала на колени, положив голову на плаху, эта женщина воспротивилась и гневно оттолкнула его от себя. «Только предатели и преступники кладут свою голову на плаху! — заявила она громовым голосом. — Я же не обязана делать это и не желаю подчиняться вашим кровавым законам, пока еще во мне есть хоть капля дыхания жизни! Возьмите же ее, если сможете!» И тут началась такая ужасная сцена, которая объяла сердца всех присутствующих отчаянием и ужасом. Словно затравленный зверь, бегала графиня вокруг плахи. Ее седые волосы развевались по ветру, а черное платье обвивало ее темным облаком. А за ней бегал в своем кроваво-красном одеянии палач с занесенным топором в руке. Он старался поразить ее ударом лезвия, она же, поворачивая голову то туда, то сюда, старалась избежать его смертоносных ударов. Но в конце концов ее сопротивление становилось все слабее и слабее, удары топора начали попадать в нее и окрасили кровью ее седые волосы, свисавшие на плечи пурпуровыми полосами. С раздирающим сердце криком она рухнула без чувств на помост. Но рядом с ней упал и палач, обессилевший в этой погоне, от которой подкосились его ноги и руки. Тяжело дыша, он не был в силах подтащить бесчувственную, истекавшую кровью старуху к плахе, не был в состоянии поднять топор, чтобы отделить ее благородную голову от туловища. Народ выл от горя и ужаса и, рыдая, умолял о пощаде. Сам лорд верховный судья не мог сдержать слез. Он приказал прекратить эту страшную работу, пока графиня и палач не отдохнут, потому что, как гласит закон, осуждена должна быть не умирающая, а живая. Графиню распростерли на эшафоте и старались привести в чувство. Палачу влили в рот крепкого вина, чтобы придать ему новые силы для его злодейского дела... Народ отвернулся к воздвигнутым по обеим

сторонам эшафота кострам, на которых собирались сжечь четырех остальных мучеников. Я же бросилась бежать прочь оттуда, и вот, король, я лежу у ваших ног. Еще есть время! Пощадите, король, пощадите графиню Солсбери, последнюю из Плантагенетов!²

— Пощадите, Ваше Величество, пощадите! — повторила Екатерина Парр, с плачем и трепетом прижимаясь к супругу.

— Пощадите! — повторил и архиепископ Кранмер, за которым шепотом это же слово робко произнесли некоторые из придворных.

Большие сверкающие глаза короля быстрым пронизательным взглядом окинули всех собравшихся.

— Ну а вы, епископ Гардинер, — спросил он затем с выражением холодной иронии, — не хотите разве тоже просить о пощаде, как все эти мягкосердечные души?

— Господь Бог наш — карающий Бог, — торжественным тоном ответил Гардинер, — а в Писании сказано, что того, кто согрешил, Бог наказывает до третьего или четвертого колена.

— А что написано, то должно быть соблюдено, — громовым голосом провозгласил король. — Нет пощады злодеям, нет сожаления преступникам! Да ниспадет топор на голову виновного, да пожрет пламя тела нечестивых!

— Ваше Величество, подумайте о своем высоком назначении! — воскликнула Энн Аскью вдохновенным голосом. — Подумайте, какое высокое имя дали вы себе сами в вашей стране! Вы наименовали себя главой церкви и хотите одновременно главенствовать в духовной жизни и царствовать на земле. Так окажите же акт милости, король, потому что вы называетесь королем Божьей милостью.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ